

© С. В. ФЕДОТОВА

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ ПСАЛМОВ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

В фонде Вяч. Иванова в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранились два автографа переложений псалмов 126 (127) и 127 (128). Написаны они были с перерывом чуть больше двух недель (первое — 14/26 апреля, второе — 2/14 мая 1890) и вызваны к жизни, вероятно, каким-то единым импульсом, о котором можно только догадываться.

В автобиографической поэме «Младенчество» (1913—1918) Вяч. Иванов, описывая свое раннее детство, дважды упоминает о таинственной взаимосвязи собственной судьбы с Псалтирью. Первый случай происходит еще до его рождения, когда мать, «беременная, со слезами», молясь по книге псалмов, вдруг услышала — «точно, в ней младенец вскрикнул!»¹ здесь трудно не расслышать евангельскую реминисценцию: «...взыграл младенец во чреве ее» (Лк. 1:41). Вполне сообразуются с этим и ожидания, которые связывала благочестивая женщина со своим ребенком:

Но я возрос под сенью чар
Ее надежды сокровенной —
На некое благословенный
Святое дело... Может быть,
Творцу всей жизнью послужить...
Быть может, славить славу Божию
В еще неведомых псалмах...

(I, 232)

Второй эпизод легитимизирует пророческое призвание поэта, переводя его из статуса сокровенных надежд в твердую уверенность матери, в очевидность для нее указующего перста судьбы.² Речь идет о новогоднем гадании Александры Димитриевны по Псалтири, когда пятилетний мальчик наугад выбирает строки Давида-царя: «Я был младшим в доме отца моего, мои пальцы настроили Псалтирь». «Так оно есть. Так буди! — сказала мать обрадованная, — станешь поэтом» (I, 7). Этим провиденциальным эпизодом О. Дешарт начала свой первый биографический очерк об Иванове еще при его жизни,³ им же открывается введение к брюссельскому собранию сочинений поэта, им же оно и заканчивается: «В 1948 г. восьмидесятидвухлетний старец получил от Ватикана „духовно-прибыльный“ заказ: написать вступление и составить примечания к Псалтири. Работу эту он закончил за несколько дней до смерти» (I, 227).

Красивая завершенность биографического мифа о божественном избранничестве поэта, его псалмопевческом и пророческом даре («Славить славу Божию всеми отпущенными ему силами, он всю жизнь считал своим

¹ Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. I. С. 232. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.

² О сакрализации образа матери и ее провидческой роли в поэтической судьбе сына см.: Davidson P. Viacheslav Ivanov's Ideal of the Artist as Prophet: From Theory to Practice // *Europa Orientalis*. 2002 [2004]. XXI. 1. P. 182—184 (материалы VIII Международной конференции «Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией»); Титаренко С. Д. «Младенчество»: символический язык автобиографического мифа и его христианские и розенкрейцеровские истоки // Судьба литературы Серебряного века и русского зарубежья. СПб., 2010. С. 183—201.

³ Deschartes O. Cenni biografici // *Il Convvegno*. 1933. № 8—12 (25. Gennaio). P. 384—408.

долгом и счастьем» — I, 169) подтверждается еще одним фактом. Накануне смерти Вяч. Иванов заново переписал цикл сонетов «De Profundis amavi!»,⁴ созданный летом трагичного 1920 года,⁵ построенный на парафразах покаянного псалма 129 («De profundis clamavi: Domine, Domine...»)⁶.

Заключительные аккорды жизни Вяч. Иванова, напрямую связанные с Псалтирью, сводят воедино творческие усилия поэта по созданию «поражающего масштабом религиозно-художественного проекта»,⁷ в основе которого лежала псалмопевческая интенция *славословия* «не Творцу только, а всем вещам».⁸ Ореол царя Давида веет вокруг ведущих идей Вяч. Иванова о символическом искусстве как пути преображения жизни и возвращения человека к Богу; о поэте-жреце, выводящем народ из плена страстей, открывающем глаза на высокое предназначение богосыновства, помогающее каждому осознать всю глубину падения. С ним связаны все особенности стиля Иванова: его «учительная» позиция;⁹ «густой благовест» его языка (по слову О. Мандельштама), наполненного архаизмами, библеизмами и славянизмами; его теургические идеи и мифопоэтические стратегии.

Воплощение в творчестве Иванова идеала художника-пророка глубоко и всесторонне рассмотрено П. Дэвидсон в контексте пророческих идей русской литературы. Одним из самых ярких и показательных примеров убежденности Иванова в теургической мощи искусства исследовательница, в частности, называет программное стихотворение из «Кормчих звезд» «Творчество», эпиграфом к которому являются легендарные слова Микеланджело к мрамору «Моисей» «Ricordatti che vivi, e sammina!» (I, 536). Заметим попутно, что интерес к образу Моисея, соединяющему в себе мотивы божественного избранничества, пророческой смелости и желания просветить народ божественной правдой присутствует уже в раннем, неопубликованном стихотворении Иванова «Моисей» (1886):

Один он достоин скрижали принять,
Исполниться божим словом;
Один лучезарного лика печать
Смирненным оденет покровом.¹⁰

Не проходит Иванов и мимо микеланджеловского «Давида», видя в нем уникальное соединение библейской пророческой силы и художественного гения, заряженное энергией воздействия на будущие поколения («Il Gigante» — I, 616).¹¹ При этом важно, что псалмопевческая интенция определяла идею теологичности творчества, его религиозного предназначения, вдохновляющей уже русских поэтов XVIII века. Вспомним знаменитое поэтическое состязание Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского по переложению 143 псалма. Одним из важнейших значений этого эксперимента

⁴ Шिशкин А. Б. Краткая летопись жизни и творчества Вячеслава Иванова // http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2010/10/shishkin_kratkaya_letopis_zhizni_ivanova_2011.pdf.

⁵ Об истории создания цикла см. примечания О. Дешарт (II, 847—849).

⁶ В раннем варианте цикла эта фраза из латинского псалма стояла эпиграфом (РГБ Ф. 589. Карт. 12. Ед. хр. 6).

⁷ Лаппо-Данилевский К. Ю. Вячеслав Иванов о наследии Ульриха фон Виламовица-Мёллендорфа // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2010. С. 135.

⁸ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского; вступ. статья и комм. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб. 1995. С. 53. Ср. также упоминание псалмопевца Давида в первом из сонетов Иванова, обращенных к Альтману (Там же. С. 9).

⁹ Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов и русская литературная традиция // Аверинцев С. С. Связь времен. Киев, 2005. С. 321.

¹⁰ РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 32. Л. 2. В стихотворении семь строф, приведенная строфа — 5-я.

¹¹ Davidson P. Op. cit. P. 163.

было создание нового жанра — «парафрастической оды», благодаря чему была поставлена «проблема трансляции библейского текста в иную — жанровую, синтаксическую и стилистическую реальность, проблема соотношения церковнославянского языка оригинала и становящегося нового литературного языка».¹²

Такая постановка вопроса была близка Вяч. Иванову, тяготевшему не только к «неоклассицистской метафорике»¹³ и стилистике, но и к высокому пониманию роли художника как духовного учителя. Здесь он действительно преемник Тредиаковского, который при создании «Псалтыри, или Книг псалмов блаженного пророка и царя Давида, переложенных лирическими стихами и умноженных пророческими песнями», притязал на полномочия не только поэта, но и «проповедника и священника (а в каком-то смысле пророка), который вправе обращаться своим поэтическим словом пребывающих в «богоборном неведении»».¹⁴

Начиная со знаменитой стихотворной полемики, парафразисы библейских текстов во многом определяют лицо литературы XVIII века и «постоянно оказываются в центре литературных исканий и литературной полемики».¹⁵ Большое количество парафразисов псалмов у Ломоносова; вслед за Тредиаковским поэтически переложил полную Псалтырь Сумароков, часто к этому жанру обращались Г. Р. Державин, В. В. Капнист, Д. И. Хвостов, Н. М. Языков, Н. М. Шатров, И. А. Крылов, П. И. Голенищев-Кутузов, Ф. Н. Глинка и многие другие поэты. Но со второй половины XIX века переложения псалмов отступают на периферию литературного процесса.

В отечественном литературоведении давно поставлен вопрос о значении Псалтыри для развития русской литературы в жанровом, тематическом и стилистическом отношениях. Различные аспекты русской псалмодики становились предметом изучения многих исследователей.¹⁶ Одним из важнейших моментов стал неоднозначный вопрос о соединении индивидуального авторского стиля и каноничности текста Св. Писания, определяемых, по мнению С. С. Аверинцева, противопоставленными — внутрилитературными и внелитературными (культовыми) — критериями,¹⁷ или категориями «авторства» и «авторитета».¹⁸

¹² Шишкин А. Б. Из неопубликованных поэтических трудов В. К. Тредиаковского (стихотворная «Псалтырь») // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1984. Л., 1986. С. 29.

¹³ Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов и русская литературная традиция. С. 324.

¹⁴ Шишкин А. Б. Из неопубликованных поэтических трудов В. К. Тредиаковского (стихотворная «Псалтырь»). С. 33. Ср. также: «Переложение Псалтыри несомненно расценивалось Тредиаковским как духовная литература, и это не было лишь претензией поэта, всерьез уверовавшего в божественность своего вдохновения. Оценка Тредиаковского строилась на уверенности в том, что переложение представляет собой „правильную“ версию Псалтыри, сохраняющую мистическое и назидательное значение этой книги» (Живов В. М. К предистории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века // *Jews and Slavs. Jerusalem; St. Petersburg, 1993. Vol. 1. P. 151*).

¹⁵ Там же. P. 32—160.

¹⁶ Помимо указанных работ, см. также: *Гуковский Г. А.* К вопросу о русском классицизме. Состязания и переводы // *Поэтика. IV. Временник Отдела словесных искусств Государственного института истории искусств. Л., 1928. С. 126—148*; *Левицкий А.* Литературное значение Псалтыри Тредиаковского // *Trediakovsky V. K. Psalter 1753. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1989. S. XI—LXXVII*; *Верещагин Е. М.* Христианская книжность Древней Руси. М., 1996; *Лотман Ю. М.* Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // *Лотман Ю. М.* О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 254—265; *Луцевич Л. Ф.* Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002, и др.

¹⁷ Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Аверинцев С. С. Риторика и истоки литературной традиции. М., 1996. С. 103—104.

¹⁸ Аверинцев С. С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 105—125.

На этом фоне юношеские опыты переложения псалмов Вяч. Ивановым, несмотря на то что он никогда не включал их в свои сборники, могут вызывать определенный интерес. В большей мере они показательны с точки зрения становления его поэтического мышления, его самоопределения в контексте русской литературной традиции, отчетливого на конкретном материале — поэтическом парафразисе стихов Давида.

Вяч. Иванов обращается к переложению псалмов в пору своего берлинского студенчества. В «Автобиографическом письме» он упоминает «о внутреннем переломе, которым сопровождалось переселение за границу», о пробытии мистических исканий, увлечениях Вл. Соловьевым, Хомяковым, Достоевским, Гете и Шопенгауэром, а также о большой поэме «*Ars Mystica*» (1889), посвященной «теургической задаче искусства» (I, 18).¹⁹

В этом контексте создаются публикуемые ниже парафразисы псалмов 126 (127) и 127 (128). Они входят в корпус ранних стихотворений, написанных в 1888—1900-е годы, переписанных в тетради, которая хранится в РГБ (Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 27. Л. 48 об.—49 об.). Для понимания замысла автора необходимо более полное представление об этой архивной единице, поэтому упомяну ряд произведений, содержащихся здесь: «Феомахия»,²⁰ «Жертва», «Идеи», «Дидактическая поэзия», «Россия», «Ночь в пустыне», «Неведомому Богу», «Художник и поэт», «Форма и Содержание», «Начало драматического стихотворения „Матери“». Непосредственно перед «Псалмами» идет большой «вступительный монолог» к поэме «Матери», к которой Иванов неоднократно обращался, но которую так и не завершил.²¹ За ними следует «Аскет».²²

Даже неполное перечисление заглавий позволяет увидеть диапазон замыслов, интересующих молодого поэта. В центре его внимания вопросы религиозно-мистического и философского характера, с одной стороны, и назначения поэзии, ее формы — с другой. Объединяет же их, несомненно, фигура поэта-пророка, учителя. Не случайно появление «Дидактической поэзии», которая войдет в «Кормчие звезды» с небольшими изменениями под названием «Гнома»:

¹⁹ Укажу несколько наиболее важных работ, посвященных этому периоду: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // *Cahiers du Monde russe*. 1994. Vol. XXXV. 1—2. P. 353—376; *Кузнецова О. А.* Стихотворные послания Вяч. Иванова к А. М. Дмитревскому // Гумилевские чтения. Материалы Международной конференции филологов-славистов. СПб., 1996. С. 239—253; *Иванов Вяч.* (Интеллектуальный дневник. 1888—1889 гг.) / Подгот. текста Н. В. Котрелева и И. Н. Фридмана; прим. Н. В. Котрелева; Приложение: *Иванов Вяч.* (Два списка литературных замыслов: Из записной книжки 1888—1889 гг.) / Подгот. текста и прим. Н. В. Котрелева // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 10—61; *Титаренко С. I* Искусство как теургия (неопубликованная поэма-послание Вячеслава Иванова «*Ars Mystica*») // Символ. 2008. № 53/54. С. 23—67; 2) Об одном незавершенном замысле Вячеслава Иванова (поэма «*Art Mystica*» в контексте ранних творческих исканий) // Русская литература. 2009. № 1. С. 162—184.

²⁰ Публикация и анализ этого стихотворения содержится в моей статье «Теодицея Вяч. Иванова» (готовится к печати).

²¹ В РГБ хранится начало незаконченного произведения, фрагменты его заключительных сцен находятся в фонде Вяч. Иванова в ИРЛИ. Г. В. Обатнин полагает, что они связаны «с замыслом трагедии под условным названием „Матери“, явно соотносимом с Великими Матерями из „Фауста“ Гете»: «В архиве Пушкинского Дома находятся два отрывка этого замысла, по-разному варьирующие сюжет с „покрывалом Изиды“: дерзость героя, посмеявшегося поднять покрывало (№ 203, л. 62 об. и след.) и последующий суд Матерей (Изида, Каменная Мать, Водная Мать и др.) над ним (№ 118, л. 106—163 об.)» (*Обатнин Г. В.* Из материалов Вяч. Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 29—51).

²² На анализе этого стихотворения построена моя статья «Неоднозначность аскетического идеала в творчестве Вяч. Иванова» (Филологические науки. 2011. № 3; в печати).

Все поэтам от Муз: и наставничий жезл, и с свирелью
Строгий учительный стих — медная мысли скрижаль.

(I, 640)

По всей видимости, Вяч. Иванов выбирает именно эти два псалма, ибо их смысловое содержание соответствовало его видению учительной роли поэта. В качестве определенного пояснительного материала, на мой взгляд, целесообразно привлечь работу поэта в последний год жизни по подготовке славянско-русской Псалтири для Конгрегации Восточных церквей. Во «Введении» Иванов поместил восьмичленную классификацию псалмов на основе «анализа смыслового содержания» и «предмета песнопений». Псалом 126, среди других, относится к рубрике «избыток благодарности к Богу и восторг славословия». Псалом 127 — к рубрике «созерцание путей добра и зла и участи праведных и неправедных».²³

Однако в примечаниях к отдельным псалмам Иванов приводит краткое содержание несколько иного характера. Так, квинтэссенцией 126 (127) псалма является нравоучительная сентенция: «Напрасны труды и попечение человека без помощи Божией (1—2), Мощные сыны и цветущая семья — наследие и награды от Бога (3—5)».²⁴ К 127 (128) псалму приводится комментарий: «Блажен человек, боящийся Бога, т. е. исполняющий закон Его; он будет вознагражден изобильными плодами труда своего, семейным счастьем, цветущим потомством (1—4); Господь умножит дни его, и Иерусалим при жизни его пребудет в благоденствии и мире».²⁵

Различия в глубине объяснения вызваны, вероятно, тем, что при работе над составлением примечаний к текстам Псалтири на двух языках Иванов воспроизводил уже готовые комментарии: к славянскому тексту — Иринея, Архиепископа Псковской епархии, из его двухтомного «Толкования на Псалтирь по тексту еврейскому и греческому» (Изд. 9-е. М., 1903); к русскому переводу — «знатока еврейского языка проф. Д. А. Хвольсона» и «заключения новейшей исследовательской работы по восстановлению и истолкованию первоначального текста, произведенной Библейским Институтом в Риме (Liber Psalmorum. Romae, 1945)».²⁶ Из последней книги Вяч. Иванов почерпнул содержание кратких введений к отдельным псалмам, примечания и сжатый комментарий к латинскому переводу псалмов.

Таким образом, при работе с комментариями песен Давида Вяч. Иванов выступал составителем, о чем он сразу же заявил в Предисловии к книге. Поскольку в последнем ничего не сказано об источниках «Введения», можно с некоторой долей осторожности предположить, что эта часть работы носила более самостоятельный характер. В частности, предложенная обобщенно-богословская типология псалмов отличается от сюжетной конкретики кратких введений к отдельным псалмам углублением их символической интерпретации.

Возвращаясь к ранним ивановским опытам переложения псалмов, можно заметить, что в них в основном представлена сюжетная линия с минимальными отступлениями от библейских прототекстов. Автор следует за боговдохновенным авторитетом практически «слово за слово», минимально прибегая к «украшающим» фигурам речи, т. е. использует один из двух типов переложения псалмов, о которых писал уже Симеон Полоцкий.²⁷ Это

²³ [Иванов Вяч. Введение] // Псалтирь: На славянском и русском языках. Рим: Ватиканская типография, 1950. С. VIII.

²⁴ Там же. С. 429.

²⁵ Там же. С. 430.

²⁶ Там же. С. V.

²⁷ Полоцкий Симеон. Избр. соч. М.; Л., 1959. С. 214.

почти перевод, максимально приближенный к первоисточнику, к его сюжету и нравственному поучению. Псалмы Иванова выдержаны в стиле духовной оды, с ее высоким штилем и дидактической интонацией. Однако это какая-то «истончившаяся одичность»,²⁸ построенная на прозрачной образности, использующая в основном «простые и ясные слова», характерные для ранней поэзии Иванова.²⁹ Однако на общем фоне выделяется метафора «хлеб заботой осолен», в которой предчувствуется уже поэтика зрелого Иванова, построенная на антиномическом принципе.³⁰

Возникает впечатление, что автор парафразиса стремится максимально умалиться перед авторитетом библейского текста, послушно и смиренно следуя за его логикой. Однако, как и во всех поэтических переложениях, авторское начало присутствует и здесь — отмечу поэтому два случая отхода от библейских прототекстов. В последней строфе 126 псалма появляется лексема «гордец», противопоставленный людям, надеющимся на Бога, т. е. с явным негативным оттенком, восходящим к христианскому пониманию порока гордости. И при переложении библейского стиха «увидишь благоденствие Иерусалима во все дни жизни твоей» в последней строфе 127 псалма Иванов показательно останавливается на выборе лексемы «гордый» («Сограждан видит он счастливых / И в мире [славном] гордом отчий град»), употребляя ее в отчетливо позитивном значении.

В заключение отметим, что в дальнейшем творчестве поэта среди огромного количества библейских аллюзий, цитат, обыгрывания образов, мотивов, сюжетов и жанров Св. Писания будут встречаться и отсылки к Книге Давида. Однако Иванов уйдет от буквалистского прочтения прототекста, активно варьируя мотив хваления, например в «Псалме солнечном», или покаянные мотивы в «De Profundis» (II, 234) и цикле сонетов «De Profundis amavi!» (III, 574—578). К буквальному парафразису молитвы «Царю небесный» он обратится в эпилоге мелопеи «Человек».

* * *

Переложения псалмов, сделанные Вяч. Ивановым, публикуются по автографам, хранящимся в Российской государственной библиотеке (Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 27. Л. 48 об.—49).

ПСАЛОМ 126 (127)

Когда не Бог созиждет дом,
Напрасно трудится строитель;
Когда не Бог — градохранитель,
Напрасно ходит страж кругом.

*

Ваш хлеб заботой осолен;
Ваш труд с зари; вам ночь — тревога.
Меж тем друзей* любимых Бога
Спокойный обнимает сон.

²⁸ Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов и русская литературная традиция. С. 333.

²⁹ Ср. замечание о стратегии Иванова на усложнение ранних текстов: «простые и ясные слова (...) были заменены мудренными словами», как выражалась первая его жена (История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исслед. и комм. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелева, Е. В. Ляпустиной. М., 2006. С. 279).

³⁰ Этому вопросу посвящена интересная работа: Гогтишвили Л. А. Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // Гогтишвили Л. А. Непрямое говорение. М., 2006. С. 126—133.

*

Им в неге плод наградный дан:
Их сыновья сильны и смелы —
Что витязя калены стрелы!
Блажен, чей полон стрел колчан!

*

Стыд не зальет его лица,
Когда с врагом в воротах града
Заспорит он: сынов ограда
Во прах отбросит гордеца.**

14/26 Апреля 1890

* Было: детей

** Было: Пред ним прогонит

ПСАЛОМ 127 (128)

Блажен, кто Божией дорогой
Богобоязненно течет!
Труд мирный дух ему дает
Благие дни со снедью многой.

*

Не сочным гроздием долин —
Супругой доброй дом украшен;
Сыны — зеленый ряд маслин
Вокруг трапезы, полной брашен.

*

Так он живет! Могуч и млад,*
Он пестует внучат шумливых;**
Сограждан видит он счастливых
И в мире гордом*** отчий град.

2/14 Мая 1890.

* Далее зачеркнуто: Встречает он

** Было: игривых

*** Было: славном

© РОБЕРТ БЁРД (США)

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТАТЬИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «ДРЕВНИЙ УЖАС»

Статья Вяч. Иванова «Древний ужас»¹ впервые была напечатана в 1909 году в журнале «Золотое руно» (№ 4, с. 51—65) и вскоре без значительных изменений вошла в первый сборник статей Иванова «По Звездам».² Позднее автор слегка отредактировал ее для перевода на немецкий язык, выполненного Николаем фон Бубновым и впервые напечатанного в швей-

¹ Варианты начала статьи и материалы к истории текста см.: РНБ. Ф. 304. Ед. хр. 17.

² Иванов Вяч. По Звездам: Статьи и афоризмы. СПб.: Оры, 1909. С. 393—424.